

Nadiia Melnyk

Образы домашних и диких животных в польских, русских и украинских паремиях

Zoophilologica. Polish Journal of Animals Studies 2, 237-249

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

NADIIA MELNYK

Uniwersytet Wrocławski

Образы домашних и диких животных в польских, русских и украинских паремиях

Анималистические образы играют важную роль в семантической кодификации и символизации в паремиологии. В течение последних десятилетий данная категория рассматривается под призмой антропоцентризма. Однако всё чаще внимание исследователей направлено на изучение проблем взаимоотношения концептов ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ с точки зрения биоцентризма, в рамках постгуманистической парадигмы. И если для философии проблема биоцентризма не является новой, то лингвистические исследования в рамках этого подхода набирают новой значимости.

Михаил Эпштейн в книге *Природа, мир, тайник Вселенной* отмечает, что “границы культуры проводятся именно там, где человек, выделяя себя из природы, устанавливает сознательное отношение, прежде всего, к высшим ее представителям, соотносит себя с ближайшими соседями и сородичами в мироздании. Всякого рода критика гуманизма, поправки к его исторически устаревающим формам, осознание ограниченности антропоцентрической модели мироздания – всё это приводило к возрождению анималистических мотивов, усилению их общемировоззренческой значимости. Поэтому [биоцентризм] как творчески осмысленное и ответственное отношение человека к животным является одним из важнейших резервов и импульсов развития гуманизма”¹. По утверждению М. Эпштейна, животные – больная совесть человечества, чувствительность которой заостряется по мере его растущего самоутверждения над

¹ М.Н. Эпштейн: «*Природа, мир, тайник вселенной...*». Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва, Высшая школа, 1990, с. 5.

природой. И если зооцентризм есть исторически изжитая, пройденная стадия культуурообразования, то биоцентризму “принадлежит возрастающая роль в создании предпосылок будущей, экологически сбалансированной культуры, преодолевшей пагубную односторонность антропоцентризма”².

Названные проблемы находят отражение в лингвокультурологических исследованиях. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения с другой перспективы того материала, который до сих пор исследовался в русле антропоцентрических теорий.

Благодатной почвой для попытки описания животных характеристик в биоцентрическом ракурсе являются паремиологические единицы (поговорки, пословицы, антипословицы) с компонентами-анимализмами. Паремии как мини-тексты и коды культуры порой самой только образностью устанавливают определённое соотношение между тем, что относится к концепту ЖИВОТНОЕ, а что – к концепту ЧЕЛОВЕК. Анималистические образы, запечатлённые в паремиологии польского, русского и украинского языков, хранят закодированную этнокультурную информацию и являются, соответственно, её носителями. Реконструкция фрагмента языковой картины мира позволяет воссоздать и описать эту информацию.

По мнению Ренаты Гжегорчиковой, языковая картина мира – способ понимания мира (его перцепция и концептуализация), проявляющийся в языковых фактах, свидетельствующих об определённой категоризации мира – фразеологизмах, синонимических рядах, а также прослеживающийся в коннотациях и стереотипах, связанных с названными объектами³.

Важно также обратить внимание на предложенное Рышардом Токарским и Войтхехом Кайтохом понятие текстовой картины мира, как зафиксированной в определённом тексте специфической реализации языковой картины мира, которая является набором закономерностей и появляется вследствие предпочтения в конкретном тексте или группе текстов определённых флексийных, словообразовательных и синтаксических конструкций, но прежде всего – определённой лексики⁴.

С целью реконструкции фрагмента языковой картины мира мы провели количественный и качественный анализ 150 польских, русских и украинских паремий с анималистическим компонентом. Источниками ма-

² Тамже, с. 6.

³ R. GRZEGORCZYKOWA: *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010, s. 189.

⁴ R. TOKARSKI: *Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej*. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2013, s. 322.

териала послужили паремиологические⁵, фразеологические⁶, а также этнологические словари⁷.

В результате количественного анализа выяснилось, что в польской паремике чаще других выступают следующие анимализмы: *конь, бык, собака, пёс, кот, свинья, волк, корова, коза, птица, курица, сова, лягушка, рыба*.

В русских паремиологических единицах чаще других встречаются зоонимические лексемы *конь, овца, осёл, козёл, кошка, волк, собака, лошадь, кобыла, корова, коза, кот, птица, курица, змея, рыба*. Среди наиболее распространённых анимализмов в украинских паремиях оказались *конь, осёл, козёл, кот, волк, медведь, собака, кобыла, корова, коза, свинья, лиса, заяц, сова, змея, рыба*.

Остановимся на рассмотрении наиболее ярких примеров интерпретации результатов качественного анализа паремий.

Домашние животные в паремиях

Образ коня в паремиологии

В польской, русской, украинской паремике образ коня ассоциируется с выдержкой, преданностью и быстротой, о чём свидетельствуют пословицы *by koń o swej sile wiedział, żaden by na nim nie siedział; koń stworzon ku bieganii, jak ptak ku lataniu; конь узнаётся в езде, друг в беде; якби кінь свою силу знав, ніхто б на нім не всидів; з коня на осла зійшов*.

В украинских паремиях конь ассоциируется также и со свободолобием: *i золоті удила коневі не милі – и золотые вожжи коню не милы*.

В русской культуре *конь* – верный друг, узнаётся в беде, если старый, то борозды не портит, ляжет в неё и спит (согласно трактовке русской антипословицы). В новой интерпретации известной пословицы анимализм

⁵ К. KŁOSIŃSKA: *Słownik przysłów. Przysłownik*. Warszawa, Wydawnictwo Publikat, 2011, 304 s.; Н. WALTER, V. МОКИЕНКО, Е. КОМОРОВСКА, К. КУСАЛ: *Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)*. Greifswald–Szczecin 2014, 433 с.; В.П. Жуков: *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва, Медиа, 2007, 649 с.

⁶ А. KŁOSIŃSKA, Е. SOBOL, А. STANKIEWICZ: *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*. Warszawa 2005, 839 s.

⁷ М. ВАЙКО: *Inny słownik języka polskiego*. Т. 1–2. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000, 2636 s.; В.В. Жайворонок: *Знаки української етнокультури: Словник – довідник*. Київ 2006, 703 с.; *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Red. И.И. Соловьёва. Изд. 2-е, Москва, Междунар. отношения, 2011, 512 с.

конь употребляется в контексте характеристики ленивого мужчины (*старый конь борозды не портит, он ляжет в неё и спит*). В польской же антипословице с данным анимализмом запечатлены эмоции животного: конь смеётся, когда баба сходит с воза (*baba z wozi, konie w śmiech*).

Только в русских и украинских паремиологических единицах встречается анимализм лошадь, несущий определённую семантику: как в русской, так и украинской культуре много пьёт, усердно работает (*работает, как лошадь; пьёт, как лошадь; работа сделала из обезьяны человека, а из женщины – лошадь*).

Образ кобылы в паремиологии

Особенно яркий паремийный образ самки лошади – *кобылы*, в котором внимание главным образом обращается на тяжёлый труд животного. В быту славян кобыла использовалась в качестве рабочей силы, в связи с чем в паремиологическом пространстве до сих пор названный анимализм функционирует достаточно активно. В качестве примера в польском языке приведём паремию: *Miło nie miło, ciągnij, siwa kobyło!* – *Нравится не нравится, тяни, сивая кобыла!* В ряде украинских паремий прослеживается градация ценностей по отношению к животному: *не кобыла для сена, а сено для кобылы* – *не кобыла для сена, а сено для кобылы*.

С анимализмом *кобыла* в представлениях русских и украинцев связан образ женщины и её темперамента, а иногда глупость и слабость перед врагом: *кобыла с волком мирилась, да додому не воротилась* (русск.); *кобыла з вовком мирилась, та додому не повернулась* (укр.). В украинской культуре появляется и сравнение с целью описания своенравного характера, капризности представительниц женского пола – например, в поговорке “*норовиста, як кобыла*”.

Зооморфизм *кобыла* в качестве компонента антипословиц является дополнительным примером возникновения отрицательных коннотаций по отношению к женским образам. В русском языке распространена паремия *баба с возу, кобыле легче*, которая также функционирует в изменённом виде, например *баба с возу – кобылой меньше*. В польской паремике возникновение подобных ассоциаций, связанных с данным анимализмом и с целью описания женских характеристик, не является столь частотным.

Образ овцы в паремиологии

В польской культуре образ овцы не является распространённым, зачастую животное является атрибутом достатка: *kto ma owce, ten ma co chce* – *у кого овца, у того всё, что пожелается*.

В русских пословицах овца – паршивая, непригодная: *с паршивой овцы хоть шерсти клок; овца белая, овца черная, а шерсть одна; овцу не шуба греет, а корм*. Животное ассоциируется с глупостью, незащищенностью: *овца не помнит отца, ей бы клок сена; овца с волком подружилась, да домой не воротилась*.

В украинской культуре овца – символ невинности, покорности. Образ животного пренебрежительно и иронично характеризует трусливого и слишком покорного человека (*вівцю стрижуть, а друга дивиться – овцу стрижуть, а другая смотрит*).

Овца в украинской пословице, также как и в русской, символизирует глупость: *і від гарного отця родиться дурна вівця – и от хорошего отца родится глупая овца*. Животное является олицетворением незащищенности перед хищником: *хто стається вівцею, того вовк їсть – кто становится овцой, того волк ест; біда вівцям, де вовк пастух – беда овцам, где волк пастух*. Овца наделяется и такими чертами характера человека как безропотность, пассивность: *як овечка, не скаже ні словечка – как овечка, не скажет ни словечка*.

Овца – весьма важное животное в хозяйстве украинцев, поэтому, как и в польских пословицах, является атрибутом достатка: *добра штука оті вівці: і кожух, і свита, і губа сита – хорошая штука эти овцы: и кожух, и свита, и губа сытая*.

Образ коровы в паремиологии

Анализ пословиц показывает, что образ этого животного во всех трёх языках имеет как положительные, так и отрицательные коннотации.

Корова в славянской традиции является символом благополучия и богатства, олицетворением женщины (*біда тому дворові, де наказує корова волові*), кормилицы семьи (*і czarna krowa białe mleko daje; корова во дворе, так еда на столе; корова в дворі – харч на столі*), символ материнской любви (*кожна корова своє теля лиже*).

В связи с женским началом данного животного образа в польских, русских, украинских пословицах присутствуют такие черты, как болтливость (*krowa, która dużo ruszy, mało mleka daje; у коровы молочко на языке; котра корова багато реве, та мало молока дає*), глупость (*tylko krowa nie zmienia poglądów – только корова своих взглядов не меняет*).

Важными частями тела животного являются рога, язык: *слизала как корова языком; мов корова языком злизала; бодливой корове Бог рогов не даєт*. Образ коровы символизирует материнскую любовь, заботу (*ходить как корова за телёнком*), в том числе и посредством упоминания ритуала

облизывания телёнка: *każda krowa swoje cielę liże*, *кожна корова своє теля лиже*.

И в польской, и в украинской паремике зооним употребляется для отражения пренебрежительного отношения к женщине как к главе семьи: *biada temu domowi, gdzie krowa dobada bykowi/wołowi*; *горе тобі, воле, коли тебе корова коле – беда тому дому, где корова колет быка/вола*.

В современной паремике анимализм *корова* часто употребляется в ироническом контексте по отношению к женской внешности, например: *здорова, як корова*, или же описывается эмоциональное состояние представительницы слабого пола (*реве, як корова*).

Образ собаки в паремиологии

Интересным представляется в славянских паремиях образ собаки. Несмотря на огромную роль животного в жизни человека и положительные качества, оно часто символизирует наиболее низкий уровень возможного, крайнюю степень несовершенства.

В польских пословицах наблюдаются отрицательные коннотации по отношению к данному образу. На первом плане отражены такие человеческие черты как лживость, лесть (*pies szczeka w oczy, oszczerca za oczy – собака лает в глаза, облает за глаза*), соперничество (*dwa psy w kuchni się nie zgodzą – двум собакам на кухне не ужиться*).

В украинской и русской паремике *собака* бросается на кости, лает без надобности (ср.: *собака лает, а караван идёт*), олицетворяет что-то плохое, ничтожное (*собаке собачья смерть; собака лает, а караван идёт; пес бреше на місяць, а місяць світить*). По таким характеристикам как хищность, злость, животное сравнивается с волком: *собаке с волком не ужиться*.

Как заметил Валерий Орёл, в сознании человека образ собаки, пса ассоциировался с ругательством, потому и употреблялся в речи в отрицательном значении⁸. Зооморфизм *кобель* в значении “похотливый мужчина” функционирует в паремике русского и украинского языков. В связи с этим, в зависимости от контекста употребления известной русской поговорки *чёрного кобеля не отмоешь добела*, данная лексема может иметь двойную коннотацию.

В паремийном пространстве образ животного довольно часто встречается в противопоставлении или в соответствии с образом мужчины: *meżczyźni to nie psy, na kości się nie rzysają; мужики не псы: на кости не бросаются; чоловіки не собаки, на кістки не кидаються; nie wierz meżczyźnie*

⁸ В.Е. Орёл: *Культура, символы и животный мир*. Харьков, Гуманитарный центр, 2013, с. 233.

jako psu – не верь мужчине, как и собаке; pies sukі nie kąsa – пёс суки не кусает.

Образ курицы в паремиологии

Интересный, яркий и весьма противоречивый в славянской паремиологии анималистический образ домашней птицы – *курицы*.

В польских паремиях широко используется образ *курицы* как символ болтливости: *kura, co dużo gdać, zwykle mało niesie jajec* – *курица, которая много кудахчет, плохо несётся*. Наряду с названной выше характеристикой образ дополняет ещё одна специфическая черта, унаследованная в результате прокции черт человеческого характера – наглость: *daj kurze grzędę, a ona: wyżej siędę* – *дай курице грядки, она: сяду-ка выше*. Пример подобной прокции находим и в украинских паремиологических единицах, например: *дай куриці грядку, а їй городу мало* – *дай курице грядки, ей и огорода мало*.

В польских и русских паремиях *курица* ассоциируется с человеческой глупостью: *trafiło się ślepej kurze ziarno* – *попалось зёрнышко слепой курице*.

В паремиологии *курица* часто сравнивается с женщиной: *kura domowa* – *домашняя курица; курицу и женщину берут руками; яйца курицу не учат; яйца курицу дисциплинируют; курица – не птица, баба – не человек*.

В украинской культуре *курица* является символом счастья и плодородия, хотя также выступает жертвой в свадебных обрядах: *кому весілля, а куриці смерть* – *кому свадьба, а курице смерть*. В украинских паремиях *курица* умна, так как под себя гребёт (*всяка курка не дурна, все під себе гребе*), но одновременно и заносчивая, поскольку, как и в русской культуре, *носится с первым яйцом*.

Дикие животные

Образ волка в паремиологии

В славянской паремиологии анимализм *волк* является наиболее распространённым. Паремийный портрет животного отмечен богатой палитрой спроецированных на него отрицательных качеств характера человека. Согласно этому портрету, *волк* всегда голоден, всё в лес смотрит, ходит одними и теми же стезями (*natura w las wilka prowadzi, z natury ludzie grzeszyć radzi* – *природа тянет волка в лес, от природы люди грешны*).

Следует отметить, что не менее ярко представлены отрицательные коннотации образа *волка*, связанные с олицетворением хищности, злобы и недоброжелательности, что прослеживается на примере следующих паремий: *собаке с волком не ужиться; как волка ни корми, всё в лес смотрит; как волка ни корми, всё равно – позорный; годуй вовка, щоб він тебе з'їв; w owczej skórze działają, a wilczą postawę mają – в овечьей шкуре волчья натура*.

Образ козла в паремиологии

Козёл – дикое жвачное животное, обитающее в горах – символ мужской силы. Но также и домашнее животное, самец козы. В сознании русских и украинцев ассоциируется с нечистой силой и чёртом, которого изображали наподобие этого животного.

В польской паремике *козёл* – безрассудно упрямое животное, во фразеологии данная лексема употребляется для характеристики упрямства и ненадёжности: *uparty jak kozioł – упрямый, как козёл*.

Согласно паремийному портрету *козла*, он широко раскрывает глаза (на новые ворота), от него нет никакой пользы: *з козла ні шерсті, ні молока*. Животному приписаны такие черты характера как наглость и глупость: *пусти козла в огород, он всю капусту съест*. Душа козла считается ничтожной (ср.: *пропасти ні за цапову душу*).

Распространённая в фразеологии зоолексема *козёл* имеет отрицательные коннотации во всех трёх языках, особенно страдальческий характер ей придаёт сочетание *козёл отпущения* (укр. – *козел відпущення*, польск. – *kozioł ofiarny*).

Образ белки в паремиологии

В украинской фольклорной традиции белка символизирует красивую, весёлую, работающую девушку. Примером может служить паремия *дівча, як вивірка*. В современной речи и, соответственно, паремике образ *белки* утрачивает свою когда-то приписанную ему функцию.

В то же время, поведение грызуна перенесено на стиль жизни человека, отсюда и распространённая паремия в русском и украинском языках *крутиться, як білка в колесі/вертеться, как белка в колесе*. Ввиду постоянной занятости и спешки человека в современном мире поговорка является весьма актуальной и часто используемой в живой речи.

Образ лисы в паремиях

В украинском обряде сватанья лисой называли девушку. В украинской паремике лиса выступает символом хитрости, коварности, лести (*у вічі як лис, а за очі як біс – в глаза как лиса, а за глаза как бес*), а также изворотливости: *стара лисиця від собак захиститься – старая лиса от собак защитится*.

Лиса украдкой вытаскивала из хлебов кур, причиняя вред хозяевам. Кража домашней птицы запечатлена в некоторых украинских паремиях, которые активно функционируют и в современной речи, например: *задивися лис в курник, то всіх курей повиносить; лис краде, поле бачить; лисиця спить, а курей бачить*. В них зооморфизм лиса имеет отрицательную семантическую окраску, поскольку характеризует вора, хитрого человека.

Животному приписывается также жадность и жестокость: *лис може втратити зуби, але не апетит – лиса может потерять зубы, но не аппетит; лис старіє, та не добріє – лиса стареет, но не добреет*.

Лису убивали из-за ценного меха, оправдывая свой поступок тем, что тёплая шуба дороже жизни “ни для чего не годного” животного: *лиса за кожух б'ють, з лиса лиш кожух добрий – лису из-за шубы бьют, у лисы лишь шуба хороша*.

Образ змеи в паремиологии

В народных представлениях славян символика змеи достаточно широкая, но в основном это пресмыкающееся является собирательным образом зла. В паремиологии анимализм употребляется в качестве семантической характеристики злого, неблагодарного человека. Интересны своей образностью украинские паремии: *сичить, мов гадина під кущем – сычит, словно гадина под кустом; гадюку як не грій, вона все одно вкусить – змею как ни грей, всё равно укусит; вигодувати за пазухою гадюку – выкормить змею за пазухой*. Во всех трёх языках вырисовывается отрицательный образ змеи – “подколотная”, “грымучая”, “гадина”.

Кроме названных выше общих характеристик, заслуживают внимания также и встречающиеся лишь в украинских паремиях. Это, прежде всего, лезть: *підлеслива людина – гадюка під квітами – подлиза – змея под цветами*; обманчивость: *простий, як свиня, а лукавий як гадюка – прост, как свинья, а лукав, как змея*; враждебность: *не бити гадюки, то не взяти її в руки – не бить змеи, так не взять её в руки*.

Образ птицы в паремиологии

Птица – достаточно часто встречающийся в польских паремиях образ, который представляет интерес двойной коннотацией, поскольку используется для описания и хвастливого, и заботливого человека: *zły to ptak, który własne gniazdo kala* – плохая та птица, которая собственное гнездо испоганил; *każdy ptak swe piórka chwali* – каждая птица своим пером гордится; *każdy ptak dla swoich dzieci gniazdo ścieli* – каждая птица своим детям гнездо вьет; *i ptak tam ciągnie, gdzie się ulągnie* – и птица туда тянет, где сядет.

В русской и украинской паремике в качестве прототипов используются сочетания *ранняя птичка* (укр. – *рання пташка*) и *поздняя птичка*. При этом “ранняя” птичка, которая пробуждается рано утром, в отличие от “поздней” считается более удачливой, поскольку и быстрая, и трудолюбивая.

Образ совы в паремиологии

Ночной образ жизни птицы, её необычная внешность, зловещий голос создали почву для различного рода символических обобщений и суеверий, известных с древнейших времён. В славянской мифологии сова считается демонической птицей и символом смерти, так как часто гнездится на кладбищах⁹.

Что касается паремиологии, образ *совы*, употребляемый с целью характеристики гордого, настойчивого человека, является достаточно распространённым в польской паремике, о чём свидетельствуют случаи употребления зооморфизма в следующих паремиологических единицах: *u sowy nic piękniejszego nad jej sowięta* – для совы нет ничего лучше, чем её совыта; *kiedy zjastrzębieje sowa, chce wyżej latać sokoła* – когда заястребится сова, то хочет выше сокола летать.

Зооморфизм *сова* ассоциируется с ничтожным человеком, чему служат примеры его функционирования в следующих паремиологических единицах польского языка: *sowa sową będzie chociaż na złocie usiądzie* – сова совой останется, хоть и сядет на золоте; *sowy z sokolem w jeden rząd nie włożysz* – сову с соколом в один ряд не поставишь.

В украинской паремике образ этой ночной птицы символизирует не только излишнюю гордость и малозначимость (*знає сова, що краща сама – знаєт сова, что лучше сама; не пара сова до сокола; сова хоч під небо злетить, а все сова – сова хоть и под небо взлетит, а всё сова*), но также

⁹ В.Е. Орёл: *Культура, символы и животный мир...*, с. 367.

и хищность (*знати сову по пір'ю – знать сову по перьям*), лживость (*сові сонце очі коле – сове солнце глаза колет*).

В русской паремии образ *совы* не является столь частотным, как в польской и украинской, но и в тех редких случаях функционирования прослеживаются отрицательные коннотации, связанные с хищными повадками птицы: *сова тиха, да птиц душит*.

Несмотря на негативные ассоциации с образом совы, в настоящее время преобладает позитивная символика птицы. Сове приписывается мудрость, проницательность, эрудиция, о чём свидетельствует распространённая идиома *учёная сова* по отношению к учёным в очках¹⁰.

Образ рыбы в паремииологии

Анимализм *рыба* в паремииологии на примере трёх славянских языков приобретает ряд характеристик: гниёт с головы, бьётся об лёд, молчит, чувствует себя прекрасно в воде.

В польской традиции *рыба* является, прежде всего, символом безмолвия, о чём свидетельствует паремия *rybu i dzieci głosu nie mają – рыбы и дети не имеют голоса*.

В украинской паремике *рыба* является символом согласия (*ми з тобою, як риба з водою – мы с тобой, как рыба с водой*), а также осторожности, рассудительности: *і риба не плине проти бистрої води – и рыба не плывёт против течения*. Анимализмы *рыбонька*, *рыбка* употребляются в качестве поэтических ласкательных обращений к любимой девушке или женщине, поэтому *рыба* выступает также символом любимого человека.

Образы “мудрых” животных в паремиях

Старость в пословицах и поговорках ассоциируется с мудростью, в связи с чем происходит процесс стереотипизации животных, в результате которой в паремииологии довольно часто встречаются образы “мудрых” животных. В паремиях трёх языков это образ *коня* (польск.: *starego konia już nie ujeździsz*, русск.: *старый конь борозды не испортит*; укр.: *старого коня не заїздити*) и *воробья* (польск.: *starego szpaka/wróbla nie zwabisz na plewu*; русск.: *старого воробья на мякине не проведёшь*; укр.: *старого горобця пологою не звабиш*).

Встречающийся в польской и русской паремике анимализм, указывающий на богатейший опыт животного обманывать других, – *лиса* (польск.:

¹⁰ Там же, с. 369.

starego lisa trudno łowić – старую лису тяжело поймать; русск.: старую лису хитростям не учить).

Только в польской паремиологии функционируют «мудрые» анимализмы *вол (stary wł bruzdy nie psuje – старый вол борозды не испортит)* и *заяц (zajc stary wywodzi w pole ogary – старый заяц выводит в поле гончих собак).*

Только в русской паремиологии в значении ‘мудрый’ выступает зооним *пёс*, например, в пословице *старый пёс на ветер не лает*.

Таким образом, в результате качественного анализа польских, русских и украинских паремий с анималистическим компонентом, можно выделить ряд общих моментов. В славянской культуре и, в частности, паремиологии, животные наделены антропоморфными чертами, привычками, поведением и даже относительной привлекательностью или непривлекательностью. Наблюдается также отсутствие у животных собственных чувств – эмоции выражены крайне редко. Характерные персонажи паремий – животные, распространённые в данной географической области. Частотность функционирования образа животного зависит от степени значимости для человека и возможности персонификации по половому признаку.

Чёткая дифференциация семантических категорий “человек” и “животное” в паремиях трёх языков не прослеживается, так как характеристики черт поведения и характера человека и животного в паремийном пространстве размыты. Представленные образы отдельных животных стереотипны и сохраняются в неизменном виде не только в пределах паремиологического фонда определённой культуры, но распространены также в других культурах и, соответственно, языках.

Abstract

Images of Domestic and Wild Animals in Polish, Russian and Ukrainian Paremiaes

Animalisms as the animalistic components of paremiaes play an important role in the semantic codes in Paremiology. The comparative and contrastive analysis of animalisms in the structure of Polish, Russian and Ukrainian paremiaes with the use of a biocentric approach allows us to describe the general and specific features of behaviour and characters that exist in the most widespread paremic images of wild and domestic animals. The animalistic images are typical of: the Polish, Russian and Ukrainian culture. The process of describing each category of animal which takes place in the paremiologic units supports the reconstruction of fragments of a linguistic world-image and allows us to observe a correlation between such concepts as Animal and Human Being.

Keywords:

Paremiology, Phraseology, Semantics, Cultural Linguistics, Animal Studies

Abstract**Obrazy zwierząt udomowionych i dzikich
w paremiach polskich, rosyjskich i ukraińskich**

Animalizmy będące zwierzęcymi komponentami paremii odgrywają ważną rolę semantycznych kodów w paremiologii. Analiza porównawcza i kontrastywna animalizmów w składzie polskich, rosyjskich i ukraińskich paremii w ujęciu biocentrycznym pozwala opisać ogólne oraz szczegółowe cechy zachowania i charakteru, znajdujące się w najbardziej rozpowszechnionych obrazach paremiologicznych zwierząt dzikich i udomowionych. Obrazy animalistyczne typowe są dla każdej z kultur: polskiej, rosyjskiej bądź ukraińskiej. Opis specyfiki poszczególnych kategorii zwierząt występujących w jednostkach paremiologicznych wspiera próbę rekonstrukcji fragmentu językowego obrazu świata i pozwala na obserwację korelacji konceptów człowiek – zwierzę.

Słowa kluczowe:

paremiologia, frazeologia, semantyka, lingwistyka kulturowa, *animal studies*